

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

Жить...!

Книга, которой предназначено закончить саму себя.

Leo Vance

Пролог

Книга, которая хочет закончиться

Это книга с одним намерением: закончиться.

Не закончиться на последней странице. Закончиться в тебе.

Она не хочет улучшить твою Жизнь. Она не вручает тебе смысл. Она не меняет одну веру на другую, посвежее. Книги делают это пять тысяч лет, и головы от этого только тяжелели.

Эта книга хочет разгладить.

Человеческая голова везёт огромный груз. Имена. Правила. Морали. Богов. Прошлые. Будущие. Идеалы. Страхи. Определения. Надежды. Почти ничего из этого не было выбрано. Всё загрузили раньше, чем ты дорос до того, чтобы увидеть погрузку.

Потом ты годами называл этот груз «собой».

Великая человеческая трудность — не научиться. А разучиться.

Эта книга не пособие по разучиванию. Пособие было бы всего лишь ещё одной вещью в поклаже.

Это дерево.

Большое дерево, стоящее на ветру.

Ветер дует. Дерево не спорит. Оно стоит, и за ним всё оседает.

Когда придёт последняя страница, в тебе должно стать меньше. Не больше.

Если книга сделает свою работу, тебе не понадобится её помнить.

Ты можешь даже перестать читать.

Это было бы правильным концом.

Книга кончается. Всё становится Жизнью.

Коза говорит: трава

Спроси козу, что такое мир.

Трава.

Вот и вся философия целиком. Коза ест. Потом отдыхает. Ничто в козе не ждёт объяснения.

Коза не спрашивает, есть ли в траве смысл. Не решает, свято ли есть. Ей не нужно определение счастья, прежде чем лечь на солнце.

Она живёт.

Это звучит просто, потому что это просто. Люди сделали простоту подозрительной.

Между собой и тем, что происходит, мы напихали язык. Язык полезен. Он говорит другому, где вода. Он предупреждает об огне. Он позволяет ребёнку позвать мать.

Потом язык продолжает расти.

Слова обзаводятся историями. Истории обзаводятся правилами. Правила становятся институтами. Институты становятся культурами. Культуры становятся идентичностями. Идентичности становятся тем, защищая что, люди умирают.

Звук становится стеной. Стена становится настолько настоящей, что за неё убивают.

Коза никогда не строила стену.

С языком всё в порядке. Беда начинается там, где слово принимают за вещь.

Трава — это трава. Слово трава никого не кормит.

Слово Жизнь — не Жизнь.

Слово свобода — не свобода.

Слово тишина — к нему мы ещё придём. Оно пустее прочих.

А слово чистый?

У меня нет этого слова.

Возможно, это одна из самых чистых фраз, какие человек может произнести. Не потому, что

язык подвёл. А потому, что иногда туда нечего поставить — и честная голова оставляет место пустым.

Здесь может рухнуть ещё одна стена: «настоящее» и «ненастоящее». Зерно или цветок, которым оно станет, — что настоящее? Вопрос сломан. Назови одно настоящим — и ты только что изобрёл ненастоящее. Природа никогда не делала этого раскола. Его сделал рот.

До слов

Ребёнок приходит раньше библиотеки.

До религии. До морали. До национальности. До красоты. До успеха и провала. До истории о том, кем он должен стать.

Потом начинаются книги.

Не бумажные книги. Люди — книги. Родители — книги. Учителя, соседи, экраны, обычаи, наказания, награды — всё книги. Ребёнок читает их, не зная, что чтение началось.

Ближе ли ребёнок до языка к истине? Конечно. Не от тайной мудрости — от пустых полок.

Страх смерти приходит так же, рано. Не как открытие — как атмосфера. Я видел его раньше, чем мне исполнилось два. Лицо меняется. Голос падает. Тело исчезает, и взрослые разыгрывают свой страх. Позже тот же страх сидит внутри самого языка, в каждом обороте, который культура выстроила вокруг умирания.

Я не родился со страхом смерти. Его мне вручили. Я видел, как его вручали другим — всегда вручали, никогда не выростало.

Бог приходит так же. Для меня мысль о Боге была огромной с тринадцати до двадцати пяти. Она заполняла всякую комнату, в которую входила.

Потом пришли книги другого рода. Потом наблюдение. Годы наблюдения за тем, как Жизнь делает то, что делает.

К сорока всё стало ясно.

Первое, во что я сознательно разуверился, — сам пол: чувство, будто мы живём на дне вещей. Не живём. Земля у нас под ногами, а всё остальное — вверх. Открыто. Никто не сложен поверх нас.

Унаследованная мысль работает ровно как это допущение. Она становится невидимой. Человек может защищать идею сорок лет, не заметив, что её вложили в него прежде, чем он научился договаривать короткую фразу.

Это не обвинение родителям. Их тоже нагрузили. И их родителей. Культура передаёт себя вперёд через человеческие рты.

То, что портит детей, не имеет в себе ничего экзотического. Это переданная культура — выученная, потом вручённая. Меня испортили в несколько лет, как всех.

Однажды выросший ребёнок оглядывает содержимое собственной головы и говорит: я.

Сколько из этого — я?

Большая опись

Вынь большие слова наружу и посмотри на них по одному. При дневном свете. Не чтобы нападать. Чтобы взвесить.

Бог. Уже взвешен историей. Человечество поклонялось тысячам богов, у каждого были храмы, приношения и верующие, совершенно уверенные. Уверенность была полной; боги всё равно ушли.

Жизнь после и жизнь до. Две самые бесполезные вещи, которые люди сообща считают важными. Около ста миллиардов человек прожили и умерли. Подтверждённых сообщений обратно: ноль. И всё же целые цивилизации строят свои недели вокруг после и до, пока середина — единственная часть, которая действительно происходит, — ждёт.

Любовь. Любовь — это надежда. Зачем надеяться, если ничего не недостаёт?

Красота. Выдумана, конечно. Посмотри, как её носят культуры: одна разыгрывает её как искусство, другая производит на конвейере. Будь красота фактом, ей не понадобилась бы фабрика.

Счастье. Выдуманная цель. Ничто в поле никогда за ней не гналось, и ничто в поле по ней не скучало.

Свобода. Вот странное. Попроси ощущение свободы — не идею, ощущение — и ничто не отзовётся. Жизнь и житьё никогда не носили этого слова. Свобода — общее имя для борьбы, так же как жажда существует лишь там, где воду не дают. Люди говорят, что хотят быть свободными. Я встретил немногих, кто мог себе это позволить. Отступление от свободы начинается прежде, чем ребёнок научится говорить целую фразу.

Одиночество и уединение. Одиночество — надежда, которая ничего не нашла. Уединение — борьба с этим чувством. Оба живут в голове. Ни одно не живёт в поле.

Тишина. Тишины не существует. Всякое животное звучит: ах при потягивании, м-м при хорошей еде, ох при больной спине. Лес ночью — оркестр. «Тишина» существует только внутри нашего языка — слово для того, чего Природа никогда не производила.

Священное. Есть ли что-то священное, что не выдумано? Нет. Ничего. В тот миг, когда этот ответ перестаёт ранить, с плеч уходит тяжесть.

Эта опись — не разрушение. Ничто настоящее нельзя разрушить, посмотрев на него. Только выдуманному нужна защита от дневного света.

То, что тебе засунули в рот

Душевное страдание выдаёт себя за необходимое. За глубину. За доказательство души.

Спроси, что оно на самом деле защищает.

Ничего. Оно не защищает ничего.

Это нечто, засунутое тебе в рот, пока ты спал с открытым ртом. Ты проснулся жующим, и, поскольку жевание было там раньше твоего первого воспоминания, ты назвал его собой.

У начинки есть вкусы. Вина. Стыд. Тревога о после. Тревога о до. Повтор прожитых отрезков, кончившихся годы назад и всё ещё идущих по ночам.

Этот повтор — последняя хватка, которую я ещё не разжал до конца: прошлое, крутящее свои старые серии. Говорю это, чтобы ты знал: дерево, пишущее это, всё ещё стоит на ветру. Разница в том, что я знаю: это повтор. Знать, что это повтор, — уже половина выплёвывания.

Встречал ли я когда-нибудь существо, действительно свободное от душевного страдания? Да. Отару овец — каждую из них. Они едят. Потом отдыхают. Это вся биография, и это шедевр.

Овца — не доказательство, что человек может так жить. Овца не может поднять груз, значит, не может его и опустить. Это другое животное.

То, что доказывает овца, меньше — и этого хватает: жевание не в траве. Его упаковали позже.

Среди людей — пока ни одного. Голову, пишущую это, включая.

Первым может стать тот, кто дочитает эту книгу.

Расдeлывание

Делать легко. Головы устроены для делания. Дай голове один тихий вечер, и она сделает веру, тревогу, бога, обиду.

Болезнь никогда не была в делании.

Болезнь — в неспособности расделать.

Я расделал морали. Я расделал рай. Я расделал ад. Ушли начисто — не перекрашены, не переименованы, не заменены облегчёнными версиями. Ушли.

На это ушло около пятнадцати лет.

Пятнадцать лет — за вещи, каждая из которых устанавливалась пятнадцать минут. Таков обменный курс, и о нём никто не предупреждает. Установка бесплатна. Удаление стоит лет.

Так что эта глава не обещает чуда за выходные. Расдeлывание медленно так, как медленно пищеварение — тихо, почти невидимо и закончено только тогда, когда чувствовать больше нечего.

Как узнать, что нечто действительно расделано? Оно перестаёт появляться в твоих фразах. Потом перестаёт появляться в твоих паузах. Однажды ты замечаешь, что само слово стало чужим, как имя одноклассника из сгоревшей школы.

Слова уходят от меня сейчас. Словарь ускользает — слова, которых я всё равно никогда по-настоящему не касался. Я за ними не бегу. Их уход — это квитанция.

А мыслители, что прошли здесь раньше? Один из них написал, что мысль о Боге перестала работать, и заплатил за эту фразу рассудком. Я не должен ему ничего личного. Мы никогда не готовили на одной плите. Дело было не в том, чтобы идти за человеком. Дело было в направлении — а направление такое: к меньшему.

Природе не нужно нашего разрешения

Что я оставил бы от цивилизации? Жизнь. Природу. Остальное обсуждаемо.

Природа работает на двух глаголах: есть, отдыхать. Всё прочее — комментарий.

Я видел, как умирают. Растения. Животные. Люди. Смотреть на это — как обедать. Эта фраза шокирует только голову, которой преподали смерть как катастрофу. В поле умирание — обычная бухгалтерия Жизни, как ходьба, как мочеиспускание, как дыхание. Трава не устраивает церемонии по зерну.

Боюсь ли я смерти? Разумеется, нет. Иначе зачем человеку начинать книгу под названием Последняя книга?

Каково это — быть живым, в теле, а не в уме? Голод. Боль после слишком долгого сидения. Тело докладывает, без прицепленной философии.

Самый честный миг, какой я прожил, — этот. Сейчас. Это единственный миг, который когда-либо был честным, потому что он единственный, который вообще здесь.

Где голова думает яснее всего? В природе. Города думают рекламой.

Однажды я прыгнул в излучину полузамёрзшей горной реки. Смысл растворился начисто — и это было великолепно. Холод не обсуждает. Несколько секунд во мне не было вовсе никакого словаря, только тело, горящее от живости. Это и есть состояние под всеми словами. Оно никогда не терялось. Его лишь заклеили бумагой.

Когда дневное житьё заработано и приходит сырое — состояние до языка — я иду пешком. Ходьба не задаёт вопросов.

Словарь

Если бы я мог убрать из цивилизации одну вещь, это было бы не оружие и не машина.

Это были бы лишние слова.

Сделать законом: ни одного словаря толще двухсот страниц.

Двести страниц вмещают воду, огонь, хлеб, мать, боль, сон, дождь, приди, уйди, да, нет — всё, что нужно двум людям, чтобы держать друг друга живыми и в тепле. Всё после двухсотой страницы — украшение, а в украшении и заводится беда. Никто никогда не воевал из-за слова хлеб. Войны живут на толстых задних страницах — в славе, чистоте, предназначении, чести.

Тонкий словарь уморил бы их голодом.

Это не ненависть к языку. Это диета для него. Язык начинался как инструмент и раздулся до домовладельца. Инструмент берут и кладут. Домовладелец берёт с тебя плату за твою же голову.

Где-то на этих страницах слова уже начали редеть. Хорошо. Книга — это словарь, сжигающий себя страницу за страницей, пока не останется короткое настолько, чтобы по нему жить:

Есть. Отдыхать. Ходить. Смотреть. Жить.

Просто жить

Что самое смелое, что может сделать человек?

Не восхождение. Не война. Не сцена.

Просто жить.

Жить без после и без до. Без аплодисментов рая, без плети ада. Без смысла, пристёгнутого за спину, как парашют, который ни разу не раскрылся.

Это самое смелое, потому что всё выстроено против этого. Школа, храм, рынок, экран — всё это работает на твоём откладывании. Им нужно, чтобы ты жил ради потом. Единственное, что они не могут продать, — сейчас. Сейчас никогда и не пропадало.

Овцы делают это без аплодисментов. Они едят; они отдыхают. Люди стоят вокруг пастбища с блокнотами и пишут теории о том, что есть у овец.

У овец нет ничего.

Вот что у них есть.

И нет — эта книга не просит тебя стать скотом. Оставь свои руки, свой хлеб, своих людей, свою работу. Брось только груз. Руки без него работают лучше.

Последняя книга

Для кого эта книга? Для среднего начитанного читателя и выше. Она не поможет тем, кто никогда не входил в библиотеку — её можно намазать им на хлеб, как завтрак, и она не войдёт. Нужно было носить книги, чтобы почувствовать удовольствие от того, что их кладёшь.

Для меня ли она? Нет. Написание ничего во мне не изменило. Перемена пришла раньше; письмо лишь докладывает. Я не боюсь ничего из того, что в ней сказано. Во мне не осталось ничего, чему она могла бы угрожать.

Книга — это большое дерево. Оно стоит на ветру, чтобы за ним всё могло осесть. Успокоенно. Осевши. Тихо.

Потом приходит её настоящее намерение, которого ни одна книга до неё не осмеливалась держаться: быть последней.

Последнее, что должно сгореть в этой книге, — сама книга. Когда чтение окончено, отпусти её путём моралей, рая и ада. Не цитируй её. Не ставь её на полку в голове. Не основывай на ней ничего. Книга, просящая, чтобы её помнили, провалилась уже на собственной первой главе.

Если, закрывая её, ты почувствуешь позыв перестать читать — что угодно, навсегда — не борись с этим позывом.

Этот позыв — книга за работой.

Отложи её посреди фразы, если Жизнь зовёт тебя посреди фразы. Коза не дочитывает абзацы.

Жить...!

Бог может уйти. Морали могут уйти. Красота, свобода, счастье, чистота, тишина, смысл — всё это может уйти.

Словарь может поредеть.

Прошлое может остаться там, где случилось. Настоящему не нужно его разрешения. Будущее не нужно решать до того, как оно придёт.

Человек может перестать искать. Перестать становиться. Перестать читать.

И просто жить.

Не как философия. Не как цель. Не как достижение.

Жизни никогда не требовалось слово Жизнь.

Итак — закрой книгу.

Смотри. Иди. Ешь. Дыши. Отдыхай.

Жить...!